

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

**Александр
Александрович
Зиновьев:
«Война длиною
в жизнь»**

Выдающийся философ, логик, социолог, писатель Александр Александрович Зиновьев — человек удивительной судьбы.

Родился 29 октября 1922 г. в селе Пахтино Костромской области в крестьянской семье, которая постепенно перебралась в Москву к 1946 году. Служил в рядах Советской Армии, принимал участие в Великой Отечественной войне. После войны окончил Московский государственный университет, где защитил кандидатскую и впоследствии докторскую диссертации. Работал в Институте философии АН СССР.

После публикации на Западе в 1976 г. романа «Зияющие высоты» был лишен всех ученых степеней, званий, лишен гражданства и выслан из СССР с семьей. За двадцать один год проживания в западной ссылке опубликовал свыше 30 книг, многие из которых стали мировыми бестселлерами. Награжден большим количеством литературных и научных премий, в том числе: Европейской премией за лучшее эссе (1978), Премией Медичи за лучший зарубежный роман (1979), Европейской премией за лучший научно-фантастический роман (1980), Международной премией Токвиля за социологические исследования (1982), Междуна-

родной премией Тевере (1992). Признан одним из крупнейших логиков мира. Вернулся А. Зиновьев с се-

мьей на Родину лишь в 1999 году после восстановления в гражданстве, возвращения ему ученых степеней, званий, наград. Сейчас он преподает в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и в Литературном институте им. М. Горького, занимается исследовательской работой в Институте философии и Институте социально-политических исследований РАН. В Московском гуманитарном университете А. Зиновьев возглавляет Исследовательский центр. Регулярно печатается в газетах, в журналах, дает многочисленные интервью, участвует в конференциях, делает публичные выступления на социальные и научные темы.

Накануне празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне мы попросили его рассказать нам о своем участии в войне с фашистской Германией, о своей оценке событий шестидесятилетней давности. И не только об этом.

— Александр Александрович, прежде чем рассказать о войне, поясните, пожалуйста, о том, что это была за группа заговора про-

тив Сталина, в которой вы участвовали в конце 1930-х годов, будучи еще юношей?

— Я принадлежу к довоенному поколению. Так я называю тех, кто окончил среднюю школу в 1938–1940 гг., и кто перед самой войной готовился к самостоятельной сознательной жизни. Но при этом моя судьба не типична. Она — исключительна, потому что я уже в школьные годы стал антисталинистом и участвовал в террористической группе, которая планировала убить Сталина. В какой-то мере это было мальчишеством.

— В группе были ваши ровесники?

— Да. Мы не могли реализовать свои намерения, ведь это было не так просто организовать покушение на самого Сталина. Но намерения у нас были вполне серьезные. И если бы нас разоблачили, то, конечно же, уничтожили бы. В это же время, в 1939 г. я окончил школу и поступил в Московский Институт философии, литературы и истории (был такой институт, его во время войны ликвидировали). У нас на курсе разоблачили другую группу, тоже антисталинистскую. Они тоже готовили покушение. Их репрессировали, конечно. Не знаю, что стало с их руководителям, а участникам группы дали по 25 лет срока. Одного из них я уже встретил после 1956 г., он отсидел 18 лет в тюрьме. Так что это было очень серьезное дело.

Но получилось так, что я был арестован не за принадлежность к этой группе, а за выступления против культа Сталина, по доносу друзей. К тому времени у меня уже сложились свои взгляды, от которых я не отказываюсь до сих пор. Но когда следователь меня допрашивал на Лубянке, он не поверил, что эти взгляды я сам выработал. Ведь мне тогда не было и семнадцати лет. Следователь решил, что есть какие-то другие взрослые люди, хотел найти их. Но, возможно, у него какие-то другие замыслы были, может, потребовалось еще к этому делу кого-то приплести, чтобы раздуть какое-то серьезное дело.

Решили меня перевести в специальную квартиру органов безопасности. Тогда были такие места, где сотрудники встречались со своими осведомителями, агентами, вели ра-

боту. Со мной должны были жить два офицера, которым было дано указание проводить со мной время, изучать мое окружение и искать тех, кто меня всему этому обучил.

— Вам предоставлялась какая-то свобода?

— Практически никакой. Я все время должен был быть под их надзором. Выходить из квартиры мог, но вместе с ними. Но в один момент на улице у нас получилась заминка, и я ушел.

— Сбежали?

— Просто ушел. Потом, уже много лет спустя, узнал, что я был объявлен в государственный розыск, меня искали. Тогда я это просто чувствовал, странствовал по стране. И, в конце концов, скрылся в армии. То есть, я не добровольцем ушел воевать, а просто скрылся в армии... В то время было много молодых людей, которые без документов бродили по стране. Среди них были и преступники. Однажды я зарабатывал на жизнь с группой таких ребят, разгружал с ними вагоны на станции. Милиция устроила на нас облаву. Нас схватили. И предложили выбор: или нас отправят в тюрьму, или мы пойдем служить в армию. Я выбрал последнее.

— Когда вы приняли такое решение, вас ведь надо было как-то оформить. Не могли же вы назвать свою фамилию. Как поступили?

— Да, документы мои остались на Лубянке. Когда я странствовал по стране, то постепенно набирал всякие справки. Представлялся студентом, который находится по состоянию здоровья в академическом отпуске. А документы у меня якобы украли, показывал разные справки. Как их получал? Там, где подрабатывал, мне выдавали справки о том, что я работал.

Фамилию менял несколько раз, при этом старался, чтобы звучало похоже на мою настоящую фамилию, чтобы самому не запутаться. В армию пошел в 1940 г. под фамилией Зановов. Служил на Дальнем Востоке в кавалерийских войсках.

В начале 1941 г. дальневосточная армия была расформирована, части ее стали перебрасывать на запад. Мы прекрасно знали,

что будет война с немцами, и нас перебрасывают именно для этого.

— *После того как вы ударились в бега, потом скрылись в армии, вы подавали о себе известия своим родным?*

— Нет, меня бы тогда сразу нашли и схватили бы. Мать знала, что я скрываюсь. Вначале у меня был момент, когда я заглянул к ней в деревню. Из района туда приехал сотрудник органов, но я успел повидаться с матерью и сбежал снова.

...Войну я встретил на Украине, близко к старой границе. Начинал я службу в кавалерии на Дальнем Востоке, но затем пришлось поменять род войск. Мною заинтересовались в особом отделе, так как я проболтался одному своему другу о себе, а он донес. Когда полк наш перебрали на Украину, мне удалось сбежать в танковый полк, скрыться теперь уже там.

— *Каким образом?*

— Нас выстроили по приезде. Перед нами выступил командир танкового полка. Он спросил: «Кто умеет обращаться с мотоциклом?». Должен признаться, что в жизни никогда не водил мотоцикл. Ни до этого момента, ни потом. Но поскольку я чувствовал опасность, то, не колеблясь, сказал: «Я». Командир танкистов забрал мои документы и увез меня в свой полк.

— *Как же вы выкрутились? Ваш обман открылся бы, причем сразу.*

— Никак не выкручивался. Просто признался, что не умею водить мотоцикл. Меня оставили, потому что, как это ни странно, я был единственный в полку, у кого было среднее образование. Даже у командира полка не было среднего образования! Меня поэтому ценили, я учил офицеров грамоте, помогал в штабной работе, в том числе и с переводами, так как немного знал немецкий язык.

Еще до начала войны вышел приказ, якобы подписанный самим Сталиным, о том, чтобы тех, кто имел среднее образование и был здоровым, отбирали в авиационные школы. Я прошел комиссию и должен был быть направлен в авиационную школу. Но началась война, я просто не успел перейти туда, и не-

которое время мне приходилось участвовать в войне еще будучи на земле.

Хотя полк был танковым, воевать на танках не пришлось. В это время уже были изобретены наши самые лучшие танки, в том числе «Т-34», но они не были введены в серийное производство. Начало войны сопровождалось паникой и отступлениями пешим образом, без танков...

— *Вы не могли бы вспомнить первые дни войны подробнее?*

— О том, что война вот-вот начнется, мы хорошо знали. Уже 19-го июня нам выдали «смертные» медальоны с нашими данными, в том числе и с информацией о группе крови. Мы прятали эти медальоны в специальный кармашек брюк. Покинули казармы в этот же день, вышли на боевые позиции. Но затем нас почему-то вернули в казармы, танки поставили в парк, снаряды сдали на склад.

Потом мне стала известна причина этой нелепости: Сталин хотел любыми средствами оттянуть начало войны. Все-таки к войне технически мы не успели подготовиться, нам не хватало пары лет, чтобы вооружить армию современным оружием. Кроме современных танков, у нас не было и самолетов. Лучшие самолеты, гениальные «Ил-2», на которых мне потом приходилось летать, тоже были изобретены, но в серийное производство они были пущены только через год...

Мне приходилось принимать участие в боевых действиях на направлении: Минск—Орша—Смоленск. В это время я был дважды ранен. Но раны были не очень серьезные: одна совсем пустяковая, вторая — серьезнее (пуля царапнула плечо). Но я не пошел все равно в госпиталь и правильно сделал. Через несколько дней рука прошла, и я мог двигаться. А армия наша отступала и порой так стремительно, что бросали госпитали, не успевали вывозить раненых. А немцы всех их расстреливали, я знаю такие случаи.

— *Вначале войны очень много наших солдат сдавалось в плен, и вы видели, как это происходило.*

— Да, известно, что тогда сдались в плен около трех миллионов человек. Но это про-

исходило не так просто. Ведь сдавались в плен не сами солдаты. Сдавались целые армии, корпуса, огромные подразделения.

На эту тему очень много написано. Обвиняют обычно сталинское руководство. Но я считаю, что это несправедливо. Немцы очень хорошо подготовились к войне, у них был опыт, целеустремленность. Они хотели войну закончить уже осенью и седьмого ноября планировали устроить свой парад на Красной площади. Поэтому напор был мощнейший. Как бы мы ни готовились, все равно выдержать это было невозможно. Армии сдавались потому, что они окружались. Их лишили средств питания, не было амуниции, снарядов. Они попросту не могли функционировать. Попробовали бы критики, считающие, что все равно можно было сопротивляться, перенестись туда сами. Знаете, как говорил Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, глядя бой со стороны»...

— *Вы рассказывали в одном из интервью, что сами отказывались сдаваться в плен.*

— Что значит «сам»? Я был не один. Один же не будешь сражаться. Это все относительно. Да, я не снял знаки отличия, не бросил оружия. Группа, в которой я оказался, прикрывала отступление части. Нас было несколько человек. Когда немцы пошли на нас, мы стали стрелять. Они решили не рисковать и просто обошли нас. Мы посмотрели: немцев нет. Пошли догонять часть. Когда догоняли, видели, что какие-то из частей немцами были уже окружены.

Сейчас все это трудно объяснять в четких формулировках, настолько сложная была реальность. Какое-то множество солдат, офицеров сняли знаки отличия, мы не стали это делать. Это не значит, что мы отличались от них большим героизмом. Порой было даже неизвестно, где находятся немцы, непонятно было куда стрелять.

Мы потом присоединились к другому подразделению, которое отходило более-менее организовано, нас включили в свой состав. Нам просто повезло! Если бы мы остались с теми, кто приготовился сдаваться, то очень сомневаюсь, что я выжил бы. Когда все

это началось — отступление, паника и прочее — я сразу себе сказал, что сдаваться в плен ни при каких обстоятельствах не буду. Я по характеру не выношу, когда меня кто-то оскорбляет, обижает. Обязательно бы вспылал, и меня сразу бы прикончили...

Я не одобряю сдачи в плен. Но я видел, что сопротивляться могли только отдельные подразделения, и они это делали. Нельзя представлять все так, что все сдавались. Бой шли, и немцам причинялся очень серьезный ущерб. Несмотря на большие потери, было сделано великое дело: был сорван блицкриг. Это самое главное наше достижение начального периода войны. Фашистов поставили в такое положение, что они были обречены на длительную войну, а к этому они не были готовы. Они ведь даже зимнюю форму должны были подвезти только к своему параду на Красной площади. Из-за этого они даже замедлили наступление на Москву, что и использовало наше командование.

— *Когда вы перешли в авиацию, в которую вас определяли вначале?*

— В авиационную школу попал в конце 1941 г. Учился сначала в одной авиационной школе, на истребителя. Но учились мы на таких машинах, которые уже устарели и были сняты с вооружения уже в самом начале войны. Потом приходилось быстро переучиваться. В другом училище я стал учиться на штурмовика.

В 1942 г. у нас был перерыв в учебе. Многие курсантов временно отчислили и направили в наземные войны. Это было связано со Сталинградской битвой. Поскольку я до этого был танкистом, меня направили снова в танковые войска. Участвовал в операциях, но не в самом Сталинграде, а севернее. Вернулся в авиационное училище вместе сцелевыми. Окончил его в 1944 г. и уже остаток войны до конца был в различных штурмовых полках. Прошел Польшу, Германию, был в Чехословакии, Венгрии, Австрии.

Закончил войну 11 мая 1945 г. Хотя война фактически завершилась, одна немецкая армия не хотела сдаваться нам, хотела сдатьсь нашим западным союзникам. Командовал

той армией генерал Шернер, до сих пор помню его фамилию... Мы летали на них, обстреливали, бомбили, чтобы помешать им уйти к союзникам.

— *У них не было самолетов, чтобы защищаться?*

— Нет, уже не было. Наша армия стала господствовать в воздухе уже с 1944 г. И вообще с этого времени вся инициатива находилась в руках Советской Армии.

Последние воздушные бои с немцами у нас были при штурме Берлина. Тогда впервые немцы использовали турбореактивные самолеты «Мессершмидты-263». Мне пришлось повстречаться с ними однажды. Их взлетело всего два самолета. Мы не истребители, чтобы вступать с ними в равный бой. Штурмовики, чтобы защитить себя, замыкали круг, а стрелки обстреливали вражеские самолеты из пулеметов. «Мессершмидты» пытались атаковать, но мы отстреливались. Потом наши истребители помогли. Один «Мессершмидт» они сбили.

К этому времени все вражеские аэродромы были разрушены, и «Мессершмидты» взлетали с очень широкой автострады «Берлин—Варшава». Мы и ее разбомбили. Тогда у них уже никто не мог подняться в воздух. Когда мы летали на армию Шернера, то в воздухе уже совсем не было немецких самолетов. У них даже серьезной зенитной артиллерии не было, стреляли из винтовок, пулеметов.

— *Вы видели в эти годы много людей в экстремальной ситуации. Что вас больше всего поразило, запомнилось из поведения, действий, слов? Не сколько героического, а просто неординарного.*

— Происходили самые разнообразные события, поразить чем-то кого-то было трудно. В ходе войны, конечно, совершались и ошибки. Я не просто участвовал в войне, а был наблюдателем, исследователем. Намерение исследовать реальность у меня возникло еще в школьные годы. В войну я все наблюдал и мотал на ус. Но не сразу научился разбираться, давать правильную оценку.

Вот я рассказывал историю про девятнадцатое июня 1944 г., про то, как нас вернули

с боевых позиций. Конечно, тогда я воспринимал это как нелепость, возмущался: «Чем они там думают?»... Прошли годы. Я многое переосмыслил. Сейчас, конечно, мое понимание того, что происходило, иное. Я стал рассматривать события войны, руководствуясь принципом: «Тебе это не нравится, но что бы ты сам сделал, будь ты на месте Сталина, Жукова?». И, как правило, я отвечал себе: «Лучше их я поступить не смог бы». Надо принимать во внимание то, в каких условиях жила страна. Предвоенные условия были необычайно трудные. Против нашей страны борьба Запада шла непрерывная. Сталинское руководство, командование, система власти и управления тех времен, самая активная часть населения — все действовали самым лучшим образом для тех конкретных условий. Поэтому я очень высоко оцениваю проведение этой войны со стороны СССР.

Гениальным было решение советской власти обратить первостепенное внимание на систему образования. Это стало одним из решающих факторов нашей победы. К началу войны мы в СССР имели образовательный уровень населения выше, чем в Германии. Можно сказать, что войну выиграл советский десятиклассник. Война стала затяжной и приняла такой характер, что потребовалось огромное число людей с образованием. Очень быстро готовили огромное количество летчиков, всю авиацию укомплектовали. Буквально за два-три месяца мальчишки становились хорошими пехотными лейтенантами. А если бы ребята были малограмотными, они бы не смогли обучиться и летать на первоклассных машинах. То же самое и с артиллерией, и с танковыми войсками. Огромное количество людей было занято и в штабах. Это почему-то замалчивается. А ведь разведка, штабная и пропагандистская работа — все это тоже играло огромную роль. Эту работу выполняли образованные люди, как минимум десятиклассники. Один из факторов поражения немцев состоит в том, что у них был дефицит офицерского состава. У нас его не было.

Если говорить о героизме. Не думайте, что люди такие героические все были. Как

правило, люди уклоняются от боев, лишений, опасностей. На одного Александра Матросова приходилось десяток таких, которые стремились уклониться. И массовый героизм, действительно, был, но не потому что люди бросались сознательно совершать поступки. Ведь сама возможность для героического поступка была не у всех. Подавляющее большинство не имело вообще возможности как следует повоевать. Трудно подсчитать, но значительная часть солдат была убита, не сделав ни одного выстрела...

— *Расскажите, пожалуйста, о ваших операциях, о боевых наградах.*

— Я не хотел бы подробно говорить на эту тему. Ведь все время в армии я находился в бегах. И у меня был целый ряд случаев, когда я представлялся к наградам, но не мог их получить. Или получалось так, что по тем или иным причинам награды отпадали.

В связи с этим могу рассказать только об одном эпизоде. Я всегда был равнодушен к наградам, а после этого случая и вовсе укрепился в своем отношении к ним, преодолел все, что касается тщеславия.

Война шла уже в Германии. Мы штурмовали две немецкие крепости Глогау и Бреслау, окруженные нашими войсками. Они долго сопротивлялись. Сражения шли так, что в одном доме были немцы, а в другом — наши. Использовать тяжелые бомбардировщики мы не могли. Нужно было вести буквально точечный обстрел. Могли участвовать только штурмовики. Но для этого надо было сначала сфотографировать с воздуха место, тщательно изучить расстановку сил.

Направили на задание меня, так как я считался плавным летчиком, то есть не совершал во время полета резких движений. В мою машину установили кинофотопулемет. Я должен был делать снимки. Надо было пикировать на город, не дергая машину, максимально плавно. Это было опасно, так как с земли велся ураганный зенитный огонь. От обстрела обычно мы уходили, маневрируя, а тут передо мной стояла задача: идти плавно, как раз не маневрируя... Что я и сделал. В этот полет моя машина получила

тридцать две пробоины. До аэродрома я не дотянул и сел чудом. То, что я снял, использовали и штурмовики, и артиллерия наземных войск. Командующий наземной армией представил меня за один этот полет к ордену Боевого Красного Знамени.

Но потом произошла следующая история. К нам в полк прислали из политотдела одного майора, которому потребовалось дать боевую награду. Для этого он должен был участвовать в боях. Посадили стрелком ко мне как к плавному летчику. А полеты тогда уже были совершенно безопасными. Я и решил подхулиганить. Начал дергать машину. Майора вырвало, он никогда до этого на самолетах не летал. Когда мы вернулись назад, я, угрожая ему пистолетом, приказал ему вымыть машину.

— *А он не хотел этого делать?*

— Отказывался! Я же лейтенант, а он майор. Но я заставил его почистить машину, наставив на него оружие. Он подчинился. История на том и кончилась бы, но он растрепал об этом. Я получил десять суток ареста, и меня отставили от награды. А его наградили орденом Боевого Красного Знамени!..

Если здраво рассуждать, конечно, поступили правильно: какой-то лейтенант угрожал пистолетом майору из политотдела армии! За это я вообще мог угодить под трибунал. Но мне зачли мои заслуги, и я отделался просто 10 сутками.

— *В армию вы скрылись, вам приходилось и далее таиться, вы вступали в противоборство с вышестоящими офицерами... У вас получается какая-то война в войне.*

— Да, именно: война в войне. Время от времени, в одном полку на меня начинают накапливаться материалы, ведь шила в мешке не утаишь, мои взгляды все равно прорывались наружу. И тогда я использовал любую возможность, чтобы перебраться в другую часть. Это нельзя истолковывать как дезертирство. Я же не в тыл куда-то удирал, а оставался на фронте, меняя войска. Я считал вообще, что самое безопасное место для меня там, где убивают... Там меньше всего ищут. Это действительно так. Когда война

кончилась, тогда исчезло то, что можно назвать «фронтовой свободой». Я наиболее удобно чувствовал себя в таких ситуациях, когда была опасность, когда могли убить.

— *Ваша личная война началась до этой войны и продолжилась после нее. Всю вашу жизнь можно назвать войной?*

— Да, я всю жизнь живу фактически в бою. С мальчишеских лет я выработал для себя мое понимание реальности, которое принципиально отличается и от официальной коммунистической идеологии, и от западной. Отстаивал его, не считаясь ни с чем. С юности я научился преодолевать чувство страха и настолько основательно научился, что после этого ни одного поступка в жизни я не совершал под влиянием страха.

У меня был год ужаса, после побега с Лубянки. Никому не пожелаю такой жизни... Когда я попал в армию, для меня это был как рай земной. Как бы там трудно не было, но у меня были гарантированная еда, место для сна. Моя жизнь сложилась так, что в первый раз в жизни я спал на отдельной койке только когда оказался на Лубянке. До этого у меня никогда не было отдельной кровати, я жил с родными в одной комнатухе площадью в десять квадратных метров, а нас было восемь человек.

Когда война с немцами началась, я, признаюсь, даже обрадовался. Нас воспитывали как патриотов, в духе слов: «Чужой земли мы не хотим, но и своей ни пяди не отдадим». С этими убеждениями и воевали. Вначале войны у меня было такое шутовское стихотворение: «Наступила она — долгожданная война». Я же не мог предвидеть каким кошмаром она станет...

Я много видел как люди испытывали страх, в том числе и когда капитулировали, сдавались немцам — ведь люди были просто в невменяемом состоянии от ужаса. Я в таком состоянии никогда не был. В военных операциях участвовал без страха, даже с удовольствием. Физически был очень выносливым, хотя и не богатырь. В какой-то мере моим спасением была моя личная война, которую я продолжал во время войны.

Если бы война не началась, меня наверняка нашли бы, конечно.

— *Если начало войны вы восприняли с такой своеобразной радостью, вы же не могли огорчиться, когда она закончилась?*

— Как бы вам сказать... Во время войны люди жили. В трудных условиях, но жили. Война — это жизнь, но жутко тяжелая. И ужасающе скучная. Я однажды об этом написал в стихотворении следующее:

Война есть ожидание конца,
 Души незаживающая рана.
 Банальна суть: убитые молчат,
 Живой пройдоха подвиг превозносит,
 Случайно уцелевшие молчат,
 Их вспоминать о том никто не хочет,
 Не чувствуя за прошлое вины.
 Плетут начальники военную науку,
 И врут писатели романтику войны,
 Очередную одуряющую скуку.

То есть война — это была жизнь, причем скучная до омерзения. Естественно, я был рад, что это кончилось. Но для меня не кончилась моя личная война. И она продолжается до сих пор.

Если бы меня официально признали бы за то, что я сделал в своей жизни в науке, в логике, в социологии, в литературе, то трудно сказать, как сложилась бы моя судьба. Но официального признания у меня не было и нет. И не будет. Меня все время держат в состоянии борьбы. Мне сейчас идет восемьдесят третий год, но я все равно пишу, работаю, развиваю новые идеи. Мое сражение закончится тогда, когда прекратится жизнь...

— *Кто ваши враги?*

— Во время войны враг был ясен, но немцы не были моим личным врагом. Немцы и Германия были врагом страны. Во время войны я выполнял просто долг. И вел себя, как положено вести мужчине. Но я не могу назвать ни одного немца, про которого я бы сказал, что это мой враг. Моими личными врагами были другие люди: они были и до войны, и во время нее (и это не были немцы!), и после войны.

С юности я видел и понимал, что все то, что говорит идеология и пропаганда — это ложь. На самом деле все обстоит по-другому.

му. Нам, например, прививали марксистские убеждения, учили про базис и надстройку и так далее. Но я-то видел, что это все — чушь! Я еще в школьные годы ставил, например, вопрос: «Был до революции коммунистический базис или нет?». Не было его! Как на самом деле появилось советское общество? Появились идеи, они стали распространяться, появились революционеры, Ленин, организация профессиональных революционеров, разразилась революция. Представился случай, и группа революционеров во главе с Лениным захватила власть. Эта группа стала создавать новую систему власти — советскую. И уже эта система власти стала создавать новый экономический базис: национализировала земли, фабрики, заводы. Уничтожили феодальную систему, капиталистов, стали проводить коллективизацию, индустриализацию. Вот что было на самом деле! Эта реальность ничего общего не имела с марксистским учением. Еще в школьные годы меня за это вызывали в соответствующие органы, с меня брали подписку, чтобы я не говорил об этом. Люди даже говорили мне: «Может быть, ты и прав, но об этом нельзя говорить. Есть линия партии, установки, и ты должен всему этому следовать». Поэтому кто был моим врагом? Тот, кто мешал развивать мои идеи, высказывать их.

Я делал открытия в области логики. Все знали об этом. Но никакого признания! То, что я открыл тридцать лет назад, западные логики начинают разрабатывать только сейчас. А наши перед ними холуйничают. Среди них те, кто когда-то были моими учениками. Кто же тогда мой враг? Этим людей никто не заставляет, они все делают добровольно. Также обстоит дело и в понимании социальных явлений.

— *Если на реальной войне оружием является винтовка, пулемет, артиллерия, то какое у вас главное оружие против ваших врагов в вашей войне?*

— У меня никакого оружия нет, кроме моего мозга. И потом еще в молодости я выработал определенные принципы. Те люди, ко-

торые знакомились с ней, в шутку называли ее «зиновьюгой». В некоторых книгах она описана. Ее принципы, например, такие: я никогда никому не переходил дорогу, я отказывался от всякой карьеры, довольствовался минимумом материальных благ.

— *Бывает еще и такое оружие как месть...*

— Если я и мстил, то только тем, что существовал и работал. И то, что я делал, было лучше, чем у других. Это и вызывало большую злобу. Я не стремился к обогащению, к каким-то формальным признаниям. Основное мое оружие — это то, что я писал. Что-то печаталось. Мои работы по логике признавались на Западе, там меня причисляли к крупнейшим логикам мира. Я занимался социологией. Моя работа по теории коммунизма на Западе была признана первой и единственной научной работой о коммунизме. Получил за это премию Токвиля. В России это игнорируется. Для социологов я не существую как социолог.

Я сформировался и прожил свою жизнь как мыслительная машина, всегда хотел понять, понять и только понять. Истина, истина и только истина! Любой ценой, несмотря ни на что. Я вел и веду свою войну. В ней были потери и достижения. Не могу сказать, что моя жизнь проходила в нищете, я умел зарабатывать на жизнь, стал и кандидатом наук, доктором, профессором.

На жизнь я не жалею. Когда говорю, что социологи не признают, это не жалоба, это констатация факта. Как человек, понимающий законы бытия, считаю, что это нормально. От людей я другого и не жду. Более того, если бы так получилось, что мою кандидатскую диссертацию о «Капитале» Маркса приняли, это сработало бы в пользу марксизма. Там ничего антимарксистского не было. Я был бы признан марксистом. Но это могло бы испортить мне жизнь! Поэтому я благодарен моим врагам за то, что всю жизнь они меня держали в хорошей «спортивной» форме.

Беседовала
Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ